
Е. А. Резван

**Коран как символ верховной власти
(к истории «Самаркандского куфического Корана»)**

Последнее время интерес к древним рукописям Корана и к их особенно важной части — группе рукописей, называемых «Коранами ‘Усмана», — заметно вырос. Эта тема активно обсуждалась в Каире во время беспрецедентных встреч европейских и египетских специалистов, организованных ныне покойным проф. Серджио Нойей Носедой в 2006 и 2007 гг. Она нашла отражение в недавно опубликованной работе проф. Нойи¹. Статью о «Коранах ‘Усмана», бытовавших в арабской Испании и Северной Африке, готовит сейчас доктор Дэвид Джеймс².

Эти рукописи принадлежат к числу древнейших. Они обычно повреждены не менее, чем те списки, которые постепенно выводились из оборота во II—III веках *хиджры*. Обычно вышедшие из употребления рукописи помещались в особые хранилища, часто под крышей мечети, где под действием пыли и дождевой воды постепенно разрушались, или же их «хоронили» по специальному обряду³. Однако рукописи, которым посвящена настоящая статья, продолжали сохранять и использовать. Почему? Во-первых, на рубеже IX—X вв. были сохранены те рукописи, которые в максимальной степени соответствовали канону, утвержденному к этому времени *иджмой*⁴. Они были необходимы как свидетельство истинности канона. Во-вторых,

¹ Sergio Noja Nosedo, “Uno dei cosiddetti ‘corani di ‘Utman’: quello nella Moschea Husayn al Cairo”, *Studi Berberi e Mediterranei. Miscellanea offerta in onore di Luigi Serra* (Studi Magrebini, Nuova Serie, IV, Napoli, 2006), pp. 260—270.

² Статья будет опубликована в журнале “Manuscripta Orientalia”.

³ J. Sadan, “Genizah and genizah-like practices in Islamic and Jewish traditions”, *Bibliotheca Orientalis* XLIII/1—2 (1986), pp. 36—58.

⁴ E. Rezvan, “Mingana Folios: When and Why”, *Manuscripta Orientalia* XI/4 (2005), pp. 5—9.

со временем такие списки как священные реликвии стали символами верховной власти, наподобие *хирки* пророка. До нас дошло множество свидетельств такого отношения к древним спискам Корана.

Доктор Джеймс нашел материалы, подтверждающие, что рукопись, которую почитали как «Коран ‘Усмана», бережно хранилась в главной мечети Кордовы вплоть до середины XII в., когда она была вывезена в Марракеш. Он также обнаружил упоминание о другом «Коране ‘Усмана». Список, принадлежавший основателю Гранадского королевства Ибн ал-Ахмару, был отправлен им в качестве подарка алмохадскому султану⁵. Известно, что кордовский список погиб, затонул в XIV в. вместе с кораблем, перевозившем его из Туниса в Марокко.

В 1243 г. египетский султан Байбарс отправил золотоордынскому хану Берке письмо о вступлении в подданство и подчинении (*ад-духул фи-л-илийя ва-та’а*)⁶. Вскоре египетские послы привезли в Орду подарки: почетные одежды, трон, инкрустированный черным деревом, слоновой костью и серебром, и «Коран ‘Усмана». Книга была переплетена в красный шитый золотом атлас и вложена в футляр из темно-красной кожи, подбитой шелком. Была прислана также подставка под Коран (*лаух*), инкрустированная, как и трон, черным деревом, слоновой костью и серебром⁷. Нетрудно заметить, что из Египта в Орду были присланы инсигнии. Удивительно, что в источниках, связанных с историей Золотой Орды, об этой реликвии и символе власти мы не находим практически ничего. Сегодня, однако, мы можем сказать, что история этой рукописи не завершилась с гибелью Золотой Орды. Факты показывают, что она сохраняла свой статус символа власти еще несколько веков. Ее история оказалась связана с именем Тимура и в дальнейшем с именами

⁵ Письмо Дэвида Джеймса к автору настоящей статьи.

⁶ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. I: Извлечения из персидских сочинений* (Москва—Ленинград, 1941), сс. 51 и сл. 60 и сл.

⁷ А. Н. Поляк, «Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе», *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы* (Москва, 1964), сс. 29—32). См. также: Ю. М. Кобищанов, «Империя Джучидов», *Очерки истории распространения исламской цивилизации. II: Эпоха великих мусульманских империй и каирского аббасидского халифата (середина XIII—XVI в.)* (Москва, 2002), с. 22.

«духовных властителей» — знаменитых суфийских *шайхов*. Но обо всем по порядку.

На протяжении нескольких лет я занимался изучением двух копий Корана, которые почитались мусульманами Центральной Азии как «Кораны ‘Усмана». Оба списка так или иначе связаны с судьбами ислама на территории Российской империи. Один из них долгое время хранился в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга, значительный фрагмент другого и сейчас является частью петербургской академической коллекции восточных рукописей. Это, действительно, древние списки, тщательное изучение которых, несомненно, важно для анализа истории фиксации текста Корана и раннего периода его бытования. Анализ истории бытования этих списков на территории Центральной Азии показал, что рукописи как ценные реликвии передавались внутри суфийских братств⁸.

История одной из этих рукописей, так называемого «Самаркандского куфического Корана», изучена достаточно подробно, но лишь начиная с первых десятилетий XV в. Никто не написал ни одной достоверной строчки о том, что происходило с этим списком до указанного времени. Известно, что долгое время она была одной из важнейших реликвий братства накшбандиййа. Появление священного списка в Мавераннахре предание упорно связывает с именем Х^баджи Ахрара (1404—1490), несомненно, одного из наиболее выдающихся духовных и политических лидеров этого региона эпохи тимуридов. *Шайх* при жизни пользовался огромным авторитетом. Он воспитывал тимуридских царевичей, состоял в дружеской переписке с выдающимися поэтами Нава’и и Джами. Это был крупнейший политический деятель и обладатель одного из самых значительных состояний своего времени. С именем этого человека связана активная и целенаправленная политическая и экономическая деятельность братства накшбандиййа, рост его влияния не только в Мавераннахре, но и за его пределами. По преданию, именно он привез рукопись в Мавераннахр, где она стала почитаться как важнейшая святыня и играла существенную роль в повышении авторитета братства накшбандиййа, которое возглавлял Х^баджа Ах-

⁸ Е. А. Резван, *Коран ‘Усмана (Санкт-Петербург, Катта-Лангар, Бухара, Ташкент)* (Санкт-Петербург, 2004).

рар⁹. По местной легенде, рукопись Корана принадлежала некогда *«халифу Рума»*. Мурид Х^ваджи Ахрара получил ее в качестве платы за то, что он благодаря *бараке* учителя смог чудесным образом исцелить *халифа*. Рукопись была доставлена учеником к Х^вадже Ахрару, содержалась сначала в Ташкенте, а потом в Самарканде.

Известный русский востоковед А. Л. Кун, бывший непревзойденным авторитетом в вопросах, связанных с историей, культурой и рукописной традицией Центральной Азии, отмечал, что древняя рукопись Корана, о которой идет речь, была доставлена в Мавераннахр Тимуром. В 1869 г., после приобретения рукописи русскими, он имел возможность показать ее местному знатоку, некоему Йахйе Х^вадже. Последний заявил, что этот список — последнее, что осталось от рукописных сокровищ, доставленных в Самарканд по приказу Тимура. Она, как украшение коллекции, была привезена в Самарканд самим Тимуром¹⁰.

В апреле 1391 г. в битве на реке Кондурча Тимур наголову разбил ордынцев. Его воины вывезли фантастическую добычу, разграбив не только Сарай-Бату, столицу Орды, но и весь нижневолжский регион¹¹. Мусульманский символ власти вряд ли мог ускользнуть от внимания Тимура, который был исключительно внимателен к вещам такого рода. У нас есть все основа-

⁹ С XV в. наблюдается все большее вовлечение суфийских братств в политические процессы. Потомки Сафи ад-Дина ал-Ардабили (ум. 1334 г.), основателя братства сафавиййа, вскоре ставшего мощным религиозным движением, установили контроль над основными территориями исторической Персии, основали династию Сефевидов и провозгласили исна'аширитский шиизм государственной религией. Исма'ил I, основатель династии, передал свои полномочия главы ордена Великому Заместителю. Члены ордена ни'аматуллахиййа, тесно связанные с Сефевидами, возглавили ряд провинций нового государства. Практически одновременно орден накшбандиййа получил контроль над значительными территориями Индии, Афганистана и Средней Азии. На огромной территории от Балкан до Персии все большую роль стали играть братства, исповедовавшие смешанную суфийско-шиитскую доктрину.

¹⁰ Б. В. Лунин, *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении* (Ташкент, 1965), с. 104.

¹¹ Подробнее см.: М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды* (Саранск, 1960), сс. 151—156.

ния полагать, что Тимур доставил в Самарканд копию Корана, в свое время привезенную в Орду из Египта. Рукопись, олицетворявшая власть Бахридов над мамлюкским Египтом, власть правителей Орды и Тимуридов, была передана последними братству накшбандийа. Это произошло в тот момент, когда влияние братства, во главе которого стоял Х^ваджа Ахрар, достигло своего апогея. В свою очередь, Х^ваджа Ахрар не преминул использовать мусульманскую реликвию в деле повышения авторитета и влияния братства.

История второй рукописи стала известна только недавно. Начиная с рубежа XV—XVI вв. она находилась в руках представителей братства ‘ишкиййа. В те годы некогда безграничная власть Тимуридов все более ослабевала. В это же время все более укреплялось положение Мухаммада Шибани-хана (ум. 1510), готовившегося к завоеванию Мавераннахра. Шибанидам был нужен союзник, подобный Х^вадже Ахрару. Далеко не случайно, что Шибани-хан, захвативший Самарканд в 1500 г., конфисковал громадное состояние семьи Х^ваджи Ахрара и истребил его сыновей. В этот же период начинается резкий рост влияния и экономического могущества братства ‘ишкиййа и его *шайхов*. Среди их *муридов* оказывается множество представителей тюркской родовой знати, растет и вовлеченность *шайхов* ‘ишкиййа в политические события. Тогда же начинается возведение дорогостоящих архитектурных сооружений. Любопытно, что с падением Шибанидов сходит на нет и влияние *шайхов* ‘ишкиййа, что только подтверждает связь первых и вторых.

Подробнее всего об этом интереснейшем периоде в истории Центральной Азии писал русский историк А. А. Семенов, проанализировавший важнейшие источники по проблеме. А. А. Семенов пишет об ожесточенной борьбе между суфийскими братствами, которая была характерна для Мавераннахра этого периода¹².

На рубеже XV—XVI вв. *шайхи* ‘ишкиййа уходят подальше от Самарканда, вотчины Х^ваджи Ахрара, ближе к афганским пределам, с которыми у них существовала давняя связь. Очевидно, в это время должен был каким-то образом оформиться

¹² Подробнее см.: А. А. Семенов, *Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов* (Сталинабад, 1954), с. 81.

и союз с шибанидами. Шибани-хан лично знал эти места, неоднократно бывал там, позднее строил себе в Карши дворец.

В 1513 г. шибаниды, занявшие перед тем северный Хорасан и Балх, вынуждены были очищать захваченные области. Султан ‘Убайдулла переселил в Бухару жителей Мерва, а Джанибек-султан — через Амударью в свой удел жителей Балха, Шибиргана и Андхоя, районов в северном Афганистане, где жили арабы. Документы показывают, что переселенцы нуждались в покровителе на новом месте, при этом существовало и понятие «плата за заботу» (*ихтимам*).

В предании о строительстве мечети в Катта-Лангаре, рассказанном мне ее имамом ‘Абд ал-Джаббаром б. Ибрахимом, постоянно подчеркивается, что мечеть строилась коллективно, каждое из соседствующих с местом строительства племен отвечало за тот или иной «аспект» строительства: заготовку или подвоз стройматериалов, предоставление скота и приготовление пищи для нужд строителей и т. п. Смыслом строительства мечети, начатого всего через несколько лет после переселения, было объединение мусульман независимо от их этнического происхождения, тем самым переселенцы интегрировались в местную среду.

Арабские переселенцы¹³ обратились за помощью к *шайхам* братства ‘ишкийя, и священный список, как и другие реликвии, принесенные ими, стали «платой за заботу». Среди поднесенного ими, возможно, были и другие примечательные предметы, которыми впоследствии гордилось братство ‘ишкийя. Это *масбих*,

¹³ Потомки этих людей продолжают жить на юге Узбекистана. В 2004—2005 гг. в Санкт-Петербурге и в 2006 г. в Тампере (Финляндия) Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой) РАН была организована выставка, посвященная их культуре и традициям (см. каталог выставки: Резван, *Арабы Узбекистана: образы традиционной культуры* (Санкт-Петербург, 2004), а также веб-сайт выставки: <http://web1.kunstkamera.ru/jeynov/eng/index.htm>). В 2006 г. музей организовал экспедицию в кишлак Джинау, район компактного проживания арабского населения. В экспедиции приняли участие специалисты по материальной культуре, этнографии, физической антропологии, а также исламоведы. В 2007 г. в Санкт-Петербургском Отделении Архива РАН была обнаружена неопубликованная рукопись монографии блестящего этнографа-арабиста И. Н. Винникова (1897—1973), озаглавленная «Кашкадарьинские арабы: язык, фольклор, этнография». В настоящее время музей готовит ее к печати.

связка каменных бус-четок желтого цвета, якобы принадлежавших самому пророку Мухаммаду; *муй-и мубарак*, священный волос из бороды Мухаммада, и, наконец, *хирка* или *джанда-чапан*, тоже якобы принадлежавшая ему.

Влияние того или иного братства и его *шайхов* не в последнюю очередь определялось наличием священных реликвий, которые самим своим существованием должны были подтвердить предания, сопровождавшие историю *силсила*. Между тимуридами и шибидами шла бескомпромиссная борьба. Союзником первых было братство накшбандийя, союзником вторых — 'ишкийя. Оба братства использовали священные списки в качестве своеобразного знамени. Обладание старинными списками становилось важным аргументом в политической борьбе, а их бережное сохранение — залогом успеха. По нашему мнению, именно это обстоятельство и обеспечило сохранение ряда древнейших списков Корана.

Я не раз писал о большой роли, которую сыграли суфийские учения и их адепты в развитии и становлении того многопланового феномена культурной истории человечества, который коротко обозначается словом «Коран». Это разработка принципов аллегорического истолкования текста, которые легли в основу сотен сочинений, составивших важный элемент исламской религиозной культуры. Особенности суфийского вероучения самым непосредственным образом отразились на характере использования Слова Аллаха в религиозной практике, на внешнем облике рукописей Корана и памятников околоторанической литературы. Мировоззрение членов суфийских братств стало катализатором широкого проникновения фрагментов коранического текста в быт, когда вера в магическую силу Слова Аллаха привела к массовому появлению *айатов* и их фрагментов на изделиях оружейников, ювелиров, гончаров и ткачей. Сегодня можно говорить и еще об одном важном элементе в системе отношений «Коран — суфизм». Речь идет о религиозно-культурной парадигме, связанной с сохранением древнейших списков в качестве священных реликвий суфийских братств. Самим своим существованием эти рукописи, сохранившие древнейший пласт истории Священного текста, должны были подтверждать предания, сопровождавшие историю *силсила* того или иного братства, утверждать авторитет их *шайхов*, привлекать новых адептов и будить религиозный энтузиазм у верующих. Именно здесь, по нашему мнению, лежит разгадка феномена, получив-

шего названия «Кораны ‘Усмана», по крайней мере, двух их них. Изучение истории других древнейших списков, не вышедших из культурного оборота на протяжении многих веков, может или подтвердить, или опровергнуть наше предположение.

По крайней мере, двенадцативековая судьба двух рукописей, о которых я рассказал, — эта удивительная история, неразрывно связанная с судьбами династий и государств, городов и людей, с судьбами исламской цивилизации от ее возникновения в Аравии VII века до торжества ислама, пережившего коммунизм на просторах мусульманских республик бывшего СССР.

Мы видели, что «Кораны ‘Усмана» оставались символами власти на протяжении веков. Несомненно, символическое значение имел и увоз самаркандской реликвии в Санкт-Петербург. Этим подтверждалось перемещение в Россию верховной власти над Туркестаном. В свое время этой проблемой занимался лично генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман. В столицу империи планировалось доставить и гигантскую каменную подставку (*лаух*), которая стояла во дворе мечети Биби Ханым и использовалась некогда как «пьедестал» под другой Коран-символ власти, изготовленный по распоряжению Тимура.

Копия «Самаркандского куфического Корана» была напечатана в Санкт-Петербурге в количестве 50 экземпляров в качестве церемониального подарка России для мусульманских соседей империи — подарка, который подчеркивал власть «белого царя». Символическим жестом была и передача этой рукописи мусульманам в 1918 г., осуществленная по прямому указанию Ленина. Речь шла о передаче части власти в обмен на участие в «революционном проекте». «Москва — это новая Мекка, это — Медина для всех угнетенных», — так было записано в обращении Научной ассоциации востоковедов при ЦИК СССР, опубликованном в 1921 г. При этом рукопись в конечном итоге попала к мусульманам (в Духовное управление мусульман) лишь после обретения Узбекистаном независимости¹⁴.

¹⁴ Сегодня Коран также используется как важный государственный символ (например, при президентской присяге в ряде государств СНГ и присяге руководителей ряда субъектов РФ). Здесь, впрочем, можно видеть скорее обращение к западной политической традиции, нежели «возвращение к исламским корням».

Наконец, накануне визита российского президента в Саудовскую Аравию (февраль 2007 г.) в России был изготовлен и преподнесен В. В. Путину Коран на тонких золотых пластинах стоимостью «несколько десятков миллионов рублей». На изготовление «книги» ушло 14 килограммов золота 999 пробы (163 золотые страницы высотой около 14 см и шириной около 10 см, сделанные на Монетном дворе России). На золоте была издана копия той рукописи, которая хранится ныне в Санкт-Петербурге, той, что передавалась некогда внутри братства 'ишкиййа. «Россия — великая держава с многомиллионным мусульманским населением, реликвии и традиции которого всемерно почитаются и уважаются», — таково символическое значение создания Золотого Корана.

М. Е. Резван

**«Общение с хорошими людьми бывает подобно мускусу»
или Мускус, предвещающий славу**

Так запах, цвет и звук между собой согласны
<...>

Повсюду запахи струятся постоянно;
В бензое, в мускусе и в ладане поет
Осмысленных стихий сверхчувственный полет.

Шарль Бодлер (пер. В. Микушевича)

Твой Дух смешался с моим, как амбра
смешивается с благовонным мускусом.

Ал-Халладж, Диван

Сонники и сопутствующая им литература часто являются удивительным источником: представленный там набор понятий описывает те базовые элементы, из которых состоял мир потенциального сновидца, жившего в определенном регионе в конкретную эпоху. Часто это своеобразная энциклопедия, статьи которой написаны по особым правилам. Как и в случае с обычной энциклопедией, у нее есть свои правила пользования и список сокращений. Не зная такого списка, часто трудно понять, о чем, собственно, идет речь.

Мусульманские сонники объединяют сотни элементов, привнесенных туда в результате сложения исламской цивилизации на громадных территориях от Атлантического побережья Африки до Китая и от Сибири до Индонезии. Читая их, легко представить богатства рынков Самарканда, Харара, Хайдарабада...

На страницах сонников можно найти и толкование снов об ароматах, в частности, о мускусе. Сегодня сложно себе представить подобный мускусный сон. Однако, для средневекового мусульманина (оговоримся, — состоятельного горожанина) это было частью повседневной жизни: ему был прекрасно знаком мускусный запах, сам коричневый порошок, и то, как он струит-

ся между пальцев. И в его памяти этот аромат выступал маркером каких-то реальных событий, был связан с целым комплексом представлений.

Итак, что же означает снящийся мускус?

«Мускус — к славе, восхвалению человека, чистоте веры и похвальному характеру, к благосостоянию и целомудренной жене...»¹

«Мускус... означает господство и радость. Толочь его — к доброй похвале. Если же измельченное вещество не имеет приятного запаха, облагодетельствует сновидец ко-го-то, а тот не выкажет благодарности»².

Мусульманский Восток, как, впрочем, и Восток языческий, ветхозаветный и христианский, сочится изысканными ароматами: легкими и тяжелыми, дразнящими рассудок и чувства. Невозможно представить себе историю Востока без благовоний. Они служили основой государственной экономики и поводом для кровопролитных войн, в одно и то же время люди воскурляли их своим богам, взывая спасения, и теряли рассудок в благоухающих сетях коварных красавиц.

Роль благовоний в реальной жизни, их повсеместное распространение и регулярное использование в ритуальной сфере постепенно приводили к появлению и развитию множества символических значений, так или иначе связанных с ароматами и их источниками. Особое место в этом ряду принадлежало мускусу.

Мускус (ар. *микс*, лат. *muscus*) является продуктом выделения мускусных желез некоторых животных: жвачных (кабарговые), кошкообразных (виверровые), грызунов. Существует также и мускус и растительного происхождения.

Использовать мускус стали сравнительно поздно. Возможно, один из пиков его распространения в Средиземноморье, на Переднем и Среднем Востоке совпадает с началом проповеди Мухаммада в Мекке³. Свидетельством тому являются коранические тексты, где мускус упоминается как элемент райского блаженства:

¹ *Мусульманский сонник* (Санкт-Петербург, 1997), с. 50.

² Ибн Сирин, *Большой тафси́р снов* (Казань, 2004), с. 356.

³ А. Dietrich, "Misk", *Encyclopaedia of Islam* (CD-ROM edition v. 1.0) (Leiden, 1999).

«Поистине, ведь праведники в благоденствии на ложах созерцают! Ты узнаешь в лицах их блеск благоденствия. Поят вином их запечатанным. Завершение его — мускус⁴. И к этому пусть стремятся стремящиеся»⁵.

Эти представления нашли широкое развитие и в мусульманской экзегетике, и в поэтических представлениях о Рае и внеземном блаженстве. Согласно таким представлениям *джанна*, мусульманский рай, соткан из золота, серебра и мускуса, запах вод источника ал-Каусар сравнивается с его благоуханием, четыре текущих в райском саду реки берут свое начало в мускусных горах⁶. Согласно сообщению ат-Табари, Мухаммад был восхищен небеса, где Джibraил показал ему горсть райской земли, источавшей аромат мускуса⁷. Из мускуса состоит подножие трона Аллаха⁸.

Днем мне свежий сад — жилище, а ночной порой —
Рай, где мускусная почва, дом же — золотой⁹.

Согласно мусульманской космологии за горою Каф, окружающей обитаемую сушу, лежит одна золотая страна, семьдесят серебряных и семь мускусных. Каждая из этих земель простирается на расстояние более чем десяти тысяч дней пути. Населяют их ангелы¹⁰.

В реальной жизни мускус почитался одним из наиболее сильных и приятных ароматов. Караваны и корабли везли его из Китая, Индии, Центральной и Юго-Западной Азии. Согласно мусульманским источникам, наиболее ценный мускус добывали от овцебыков (*Ovibos moschatus*), выросших на Тибете¹¹. Для «кыргызов, у которых есть мускус»¹², он был основным предме-

⁴ *Хитамуху миск*, см.: *Коран*, перевод И. Ю. Крачковского (Москва, 1963), с. 629, прим. 18.

⁵ *Коран*, 83:22—26.

⁶ L. Gardet, “Djanna”, *EI*.

⁷ T. Ehlert, “Muhammad”; T. Leisten, “Turba”, *EI*.

⁸ Gardet, *op. cit.*

⁹ Низами Гянджеви, *Семь красавиц*, перевод В. Державина.

¹⁰ M. Streck, A. Miquel, “Kaf”, *EI*.

¹¹ M. Gaboricau, W. Barthold, [C. E. Bosworth], “Tubbat”, *EI*.

¹² *Арабские источники о тюрках в раннее средневековье*, перевод Ф. М. Асадова (Баку, 1993), с. 45.

том экспорта в *дар ал-ислам*¹³. Его свойства изучались и использовались в медицинских целях¹⁴. Считалось, что мускус обостряет чувства и исцеляет недуги. В животном мире роль выделений мускусных желез состоит в привлечении самки, так же и для людей мускус является афродизиак. Он улучшает зрение, помогает при ожогах некоторыми ядовитыми растениями¹⁵.

Насыщенность запаха была сродни и насыщенности цвета. Для арабской и персидской поэзии традиционно противопоставление: «камфара» — «мускус» = «белый» — «черный»¹⁶.

Чернотой прекрасны очи и осветлены.

Мускус — чем черней, тем большей стоит он цены¹⁷.

Так мускус стал цветовым символом ночи:

Лишь растерла черный мускус меж ладоней ночь
Над ладьей луны, с подушек стала шаха дочь¹⁸.

Читая источники, мы постоянно встречаем упоминание о мускусе в самых различных сферах жизни. Так земные и символические свойства мускуса, его связь с миром иным, обусловили его использование в погребальном ритуале и при подготовке к смерти:

«Затем он продолжал: “О люди! У меня есть десять тысяч динаров, законно [полученных] мною в наследство. Если вы дадите мне голову [Хусайна] до утра, я принесу вам: золото”. — “Неси”, — сказали они. И он принес. Тогда они отдали [ему] голову [Хусайна], а деньги поделили между собой. [Монах] взял голову, чисто вымыл, растер мускус с камфарой и розовым маслом и вложил [эту смесь] в отверстия, поцеловал [голову] и, держа [ее] в руках, проплакал до самого утра»¹⁹.

¹³ W. Barthold, G. Hazai, “Kirgiz”, *El*.

¹⁴ См., напр.: ан-Нувайри, *Нухайат ал-‘араб фи фунун ал-адаб* («Предел желаний в науках словесности») (ал-Кахира, 1949), xii, сс. 1—15.

¹⁵ Dietrich, *op. cit.*

¹⁶ Idem, “Kafur”; B. Reinert, “Sh‘ar”, *El*.

¹⁷ Низами Гянджеви, *op. cit.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ta'rix-i Sistān* («История Систана»), перевод Л. П. Смирновой (Москва, 1974), сс. 119—120.

Согласно преданию, внук пророка, Хусайн перед своей последней молитвой удалил лишние волосы с тела и надушился мускусом²⁰.

Разумеется, и магические практики также не обходили мускус стороной:

«Для облегчения родов бумагу, на которой мускусом или шафраном была написана третья *сура*, необходимо было либо съесть, или же носить при себе»²¹.

Уже при Умайядах приобретает распространение использование благовоний в мечетях. Считается, что эта практика восходит к *халифу* Му‘авийей. Со временем возник обычай проливать мускус на почитаемые могилы²².

Мускус как нужный, благородный и весьма ликвидный товар был предметом благотворительности:

«Умар Абдул Азиз, да будет милостив к нему Господь, однажды раздавал мускус в качестве милостыни, и у него был завязан нос.

Люди спросили:

– О, Амир ал-Муминин, почему вы завязали нос? Он ответил:

– Не дозволено пользоваться чужим добром, а польза от этого мускуса — его запах»²³.

Мускус был и символом благородной щедрости:

«Спустился ал-Ма’мун к Фам ас-Силх в ша‘бане двести девятого года и женился на Хадидже, дочери ал-Хасана б. Сахла, которая прозывается Буран. На эту свадьбу ал-Хасан потратил богатств [столько], сколько не тратил и [чего] не делал еще [ни один] царь [во времена] джахилийи и ислама. [Так] он осыпал хашимитов, военачальников, писцов и вельмож орехами [из] мускуса, в которых

²⁰ L. Veccia Vaglieri, “(al)-Husayn b. ‘Ali b. Abi Talib”, *EI*.

²¹ М. Е. Резван, «Овеществленное Слово: талисманы, обереги, амулеты», *Центральная Азия: традиция в условиях перемен* (Санкт-Петербург, 2008), в печати.

²² A. Samb, “Masdjid”, *EI*.

²³ *Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат* («Правила ведения войны и мужество»), перевод Дж. Наджмутдиновой и С. Шохуморова (Душанбе, 1997), с. 84.

[были] записки с названиями поместий, именами рабынь, [описанием] признаков лошадей и другим. Когда орех попадал в руку человека, он открывал его, читал [записку], что в нем, находил в нем [нечто] по мере везения и счастья своего, потом шел к назначенному для этого чиновнику и говорил ему: “Имение, называющееся так-то и так-то в таком-то тассудже, в таком-то рустаке. И рабыня, которую зовут так-то и так-то. И лошадь с такими-то признаками”. Также осыпали остальных людей динарами, дирхамами, пузырями из мускуса и яйцами из амбры»²⁴.

При такой коннотации очевидно, что весьма скоро мускус стал выступать символом мира, благополучной жизни. Ат-Табари, повествуя об убийстве Мусы б. ‘Абд Аллаха ас-Сулами, приводит следующий рассказ:

«Он говорит: государь тюрков захотел совершить нападение на Мусу. Он отправил к нему послов и послал яд и деревянную стрелу в мускусе. Он имел в виду показать ядом, что война с ними жестока, стрела — война, а мускус — мир. Выбери, де, войну или мир. Но тот сжег яд, сломал стрелу и рассыпал мускус. И сказали люди: “Они не желают мира, — и дал понять, что война с ними подобна огню и что он сломит нас”. Тогда [государь тюрков] отказался от похода на них»²⁵.

Итак, у мусульманина, размышлявшего поутру о значении сна, связанного с мускусом, в сознании возникали две картины — земной славы (богатство, почести, власть), и райского блаженства (отсюда и целомудренные жены) как результата «чистоты веры и похвального характера».

Завершая эту небольшую заметку, отметим, что мускус, как считали, возбуждает сердечную и умственную деятельность, и способствует плодотворным научным занятиям:

²⁴ Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Мас‘уди, *Золотые копи и россыпи самоцветов* («История ‘Аббасидской династии 749—947 гг.»), перевод Д. В. Микульского (Москва, 2002), с. 238.

²⁵ *История ат-Табари (Избранные отрывки)*, перевод В. И. Беляева (Ташкент, 1987), с. 102.

Общение с хорошими людьми бывает подобно мускусу.
Если его благоухание воспримется мозговыми центрами
и душою,
То их действие направится к знанию,
А слова будут проводниками к мудрости²⁶.

Собственно говоря, именно эти строки, особенно, первая, и побудили меня обратиться к мускусу в качестве темы статьи для сборника в честь Рахмата Рахимовича Рахимова. Мне остается только пожелать ему почаще видеть мускус во сне.

²⁶ Мир Мухаммед Амин-и Бухари, *Убайдулла-наме*, перевод А. А. Семенова (Ташкент, 1957), с. 221.